

ИГОРЬ ИЗБОРЦЕВ

МАЛЕНЬКОЕ ОКНО НА ВЕЛИКИЙ ОКЕАН

С чем же я сравню тебя, мой Дагестан? Какой образ найду, чтобы выразить свои мысли о твоей судьбе? о твоей истории? Может быть, потом я найду лучшие и достойные слова, но сегодня я говорю: “Маленькое окно, открытое на великий океан мира”. Или ещё короче: “Маленькое окно на великий океан”.

Расул Гамзатов

*Приветствую тебя, Кавказ седой!
Твоим горам я путник не чужой.*

М. Ю. Лермонтов

Иногда мне снятся горы. Наверное, это память, перебирая чётки минувших событий, касается узелков, завязанных лет двадцать назад во время моих тогдашних путешествий на Кавказ. Да нет, не двадцать, почти уж тридцать лет минуло с тех пор, как взгляд мой касался далёких вершин, ноги, преодолевая мучительное напряжение, несли вверх по узкой тропе, руки касались выжженной солнцем травы на горных склонах, а дух замирал от страха и восторга... Время неумолимо – оно притупляет боль, но и восторг оно умаляет. С годами горы в моих снах остались лишь напоминанием о тех настоящих, бывших прежде. А может быть, предчувствием грядущих с ними встреч? Ведь многое в нашей жизни начинается с предчувствия...

БЕЛЫЕ ЖУРАВЛИ

День первый

7 сентября, 15 часов. В самолете Дагестанских авиалиний на высоте десять тысяч метров над уровнем моря я думал о белых журавлях. Гамзатовские “Журавли” достигли всех мыслимых и немыслимых рубежей, даже космических высот – вместе с космонавтами “летят и подают нам голоса”. Их тревожному оклику внимает весь мир. Завтра нам об этом напомнит Председатель Правительства Республики Дагестан Шамиль Зайналов. Начиная торжественный митинг, посвященный открытию Гамзатовских дней “Белые журавли”, он

скажет: “Можно назвать сотни знаменитых стихотворений поэта, многие из которых стали песнями, но одного стихотворения “Журавли” было бы достаточно, чтобы навсегда войти в сердца миллионов жителей планеты. Положенное на музыку Яном Френкелем, оно облетело всю планету. Песня стала реквиемом по всем, кто пал на полях сражений, молитвенной песнью памяти о жертвах всех войн...”

Всё это будет завтра, а сейчас, ожидая появления моря и гор, я размышлял о жизни и судьбе этого знаменитого, ставшего песней, стихотворения Расула Гамзатова. Не знаю, как было на самом деле, но я прочитал следующее... Началось всё в Японии, в Хиросиме. Расул Гамзатов увидел там памятник белым журавлям. Ему рассказали о девочке по имени Сасаки Садако. Когда на город сбросили атомную бомбу, ей было всего два года. Семья её проживала в нескольких километрах от места трагедии и потому не пострадала. Но через десять лет эхо ядерного взрыва достигло стен их дома. Отравленные радиацией воздух, вода, земля отняли жизненные силы Сасаки, и она заболела тяжёлой лучевой болезнью – лейкемией, или раком крови. Девочка не оставляла надежды на исцеление. В Японии существует обычай: если сделаешь тысячу белых журавликов из бумаги – исполнится твоя заветная мечта. Вырезать птички фигурки ей помогали одноклассники и многие другие люди. Мечта Сасаки стала мечтой тысяч людей. Но болезнь оказалась сильнее. Сасаки Садако умерла 25 октября 1955 года...

Поэт был потрясён этой историей. Он возвращался в Москву. Раздумья о девочке, бумажных журавликах тревожили душу, на эти мысли накладывались воспоминания об умершем отце и погибших на войне братьях... Говорят, что так, прямо в самолёте, и родилось стихотворение. Оно начиналось следующими строками:

*Мне кажется порою, что джингиты,
С кровавых не пришедшие полей,
В могилах братских не были зарыты,
А превратились в белых журавлей...*

Стихотворение увидел в журнале “Новый мир” Марк Бернес. По его просьбе автор несколько изменил текст, для которого вскоре родилась прекрасная музыка. Композитор Ян Френкель и Расул Гамзатов стали друзьями на всю жизнь, и много раз после этого Френкель ездил в Дагестан, и всякий раз его встречали там как доброго и желанного гостя...

Внизу нас встречал добрый друг и коллега Магомед Ахмедов. Да, я совсем забыл сообщить, что наша писательская группа, прибывшая на борту этого лёгкого на взлёт и посадку лайнера Ту-154, включала в себя семь человек: Геннадий Иванов, первый секретарь Союза писателей России, писатель и переводчик Владимир Середин, поэты Станислав Куняев, Александр Ананичев и Николай Рачков, Наталья Харлампьева, народный поэт Якутии, и я, автор настоящих строк.

Магомед рассказывает нас по машинам, он как всегда сосредоточен, серьёзен, мало улыбаясь, а в глазах – какая-то затаённая грусть. Впрочем, что за поэт без грусти в глазах, без мечты, без порыва ввысь, к небу? Нет, всё это присуще ему в полной мере. Его слова тому в подтверждение:

*Не дай заледенеть глазам —
Я равнодушья не приемлю.
Талант пускает корни в землю,
Душа стремится к небесам.*

*Огонь, мерцающий вдали
Над снежной вьюгой междуречья,
Развей мои противоречья,
Мои печали утоли*.*

Вот и наша гостиница “Приморская”. На въезде автоматчики. Территория ухоженная, много зелени – деревья, кусты, газоны. Машины замирают у высокого гостиничного крыльца, где нас встречают прибывшие раньше коллеги.

---

* Магомед Ахмедов. “Седина”, Москва, Зарницы, 2007, с. 55.

Узнаю, что в Дагестан пригласили около трёх десятков поэтов и писателей из разных уголков России. Кроме тех, кого уже назвал, хочу упомянуть народного поэта Татарстана Рената Хариса, народного поэта Чувашии Валерия Тургая, Валерия Шамшурина из Нижнего Новгорода, Виктора Петрова из Ростова, Валерия Белянского из Волгограда. О всех рассказать невозможно, да и незачем. Остановлю взгляд на некоторых – на Ренате Харисе, к примеру. Он далеко не молод, но в блеске глаз – металл, в каждом движении – уверенность. Он немногословен, обстоятелен, в нём не увидишь ни капли суетливости. И в поэзии он так же прочен и устойчив, как в жизни:

*И ноги, как корни, врастают в жилительный грунт,
Я сок животворный в душевные глубины вбираю.
Пусть ветры жестокие душу мою иссушают —
И мысли, и чувства на этой земле оживут!*¹

... На кровати моего соседа по гостиничному номеру расчехлённой лежала гитара. Она притягивала к себе взор, манила, звала; в её ещё пока праздных струнах уже чуть слышно гудело эхо сбывшихся аккордов. Позже она заиграет, зазвучит, запоёт, лишь прикоснётся к ней её хозяин Александр Ананичев...

Темнеет быстро. Чернота кавказского неба заливает Махачкалу так густо, что едва не тушит городские огни, отнюдь не поражающие своим обилием – да, это не Москва. И ещё одно доказательство последнего – грохот прибоя, властно заполняющий собой все участки звукового диапазона. Мне подумалось, что в этой перенасыщенной влагой южной ночи море – единственный властелин и повелитель. С этой мыслью я постарался успокоиться и заснуть...

*Пусть море говорит, а ты молчи,
Не изливай ни радости, ни горя.
Великий Данте замолкал в ночи,
Когда у ног его плескалось море.
Людьми заполнен берег или пуст,
Дай морю петь, волнам его не вторя,
И Пушкин — величайший золотоуст —
Молчал всегда, покамест пело море*².

БЕЛЫЕ ЖУРАВЛИ

День второй

Утро мы встречали у подножия возвышающейся над Махачкалой горы Таркитау, у могилы Гамзатова. Я впервые оказался на старом мусульманском кладбище. Владимир Солоухин писал, что “мусульманские кладбища похожи на покинутые людьми города. Куполообразные мавзолеи над могилами, плоские вертикальные камни, осенённые полумесяцами, испещрённые арабскими письменами”³.

Нет, мавзолеев здесь не было, и с большинства вертикальных белых камней, действительно покрытых арабской вязью, на меня почему-то смотрели пятиконечные звёзды. И лишь над могилой поэта камень был чёрный, украшенный двумя всего словами: “Расул Гамзатов”. Да и к чему тут что-то ещё? В этом имени – звёзды и вращающиеся вокруг них планеты, неведомые миры, вся вселенная... К этому, собственно, и сводились произнесённые здесь речи. Гость из Самары напомнил замечательные, знакомые всем гамзатовские строки:

¹ Ренат Харис. “На земле Джалиля”.

² Расул Гамзатов. “Мой Дагестан”, изд. “Лотос”, Махачкала, 2008, с. 270.

³ Владимир Солоухин. “Чаша”. “Роман-газета”, 6 (1324), 1998. Москва.

*Мне дорог край цветущий и свободный
От Балтики до Сахалина — весь.
Я за него погибну где угодно,
Но пусть меня зароят в землю здесь!*

*Чтоб у плиты могильной близ аула
Аварцы вспоминали иногда
Аварским словом земляка Расула —
Преемника Гамзата из Цада¹.*

И это, возможно, были самые уместные, самые нужные в сей момент слова...

В 10 часов утра у памятника солдату Великой Отечественной войны звучит песня “Журавли”. Участники митинга возлагают цветы. Объявляется минута молчания, которая завершается троекратным воинским салютом... Я узнаю, что праздник “Белые журавли” отмечается в Дагестане уже в двадцать второй раз, а три последних года он, по Указу Президента Республики Дагестан Муху Алиева, имеет официальный статус государственного праздника. И опять звучат слова о великом дагестанском поэте, о непреходящем значении его творчества для народов Кавказа, для всей России. “Расул Гамзатов, — говорит Шамиль Зайналов, — завещал нам жить в мире и согласии, в любви и дружбе, в духе патриотизма и интернационализма, высокой ответственности за будущее Дагестана и России”... Слушаю и отмечаю для себя важность этих слов: мир и спокойствие в Дагестане — это залог мира на всём Кавказе...

По-моему, я ещё размышлял об этом, когда нас под вой милицейских сирен везли в дом поэта — его двери были гостеприимно распахнуты, здесь потчевали с истинно кавказским хлебосольством. К тому, что я знал о Гамзатове, прибавилось много нового. И тут некое чувство противоречия вкралось мне в душу. Почему-то дом — этот, на мой взгляд, типичный образец конструктивизма — никак не желал гармонично сочетаться с тем образом поэта, который на тот момент сложился у меня в душе. Архитектурная простота дома, геометрическая чистота его линий и форм не увязывалась с чрезвычайной многогранностью натуры Гамзатова, афористичностью его языка, блистающего множеством красок и ещё большим количеством их оттенков. Я писал какие-то добрые слова в книге памяти о поэте и одновременно пытался решить эту задачу. Но до поры решение мне не далось...

Сам поэт ответил мне, когда я перелистывал страницы его книги... “В какие бы края ни забросила меня судьба, я везде чувствую себя представителем той земли, тех гор, того аула, где я научился седлать коня. Я везде считаю себя специальным корреспондентом моего Дагестана”².

И ещё он говорил: “Я не хочу все явления мира искать в моей сакле, в моём ауле, в моем Дагестане, в моём чувстве родины. Наоборот, чувство родины я нахожу во всех проявлениях мира и во всех его уголках. И в этом смысле моя тема — весь мир”³.

Вот и ответ — Гамзатов не вписывался ни в какую концепцию, он был шире любого формата, поэтому все кипящие вокруг него страсти, противоречия были подобны пене у подножия огромного утёса, глядящего сквозь “маленькое окно на великий океан”⁴. Теперь он по ту сторону окна и смотрит на нас из великого океана Вечности.

Время, насыщенное событиями, не просто двигалось — летело! Вот уж день встречается с вечером. Мы в Русском драматическом театре. В фойе много людей. Президент Республики Дагестан Муху Алиев здоровается с писателями, поэтами, деятелями культуры и искусства. На лице его неизменная улыбка. Охраны совсем не видно. Но вот и главный момент — торжественное собрание открыто...

“Расул Гамзатов, — отмечает в своём выступлении Муху Алиев, — всегда подчёркивал, что является представителем и посланцем Дагестана в мире. Он любил все народы, был поэтом человечества. Этим он и велик”. Президент

¹ Расул Гамзатов. “Мой Дагестан”, с. 63.

² Расул Гамзатов. “Мой Дагестан”, с. 20.

³ Там же, с. 68.

⁴ Там же, с. 32.

Дагестана лично ведёт собрание, объявляет выступающих, комментирует происходящее.

Меня, признаюсь, это поразило. Вспомнились юбилеи великого Пушкина на Псковщине... Святогорский монастырь, могила поэта... Казалось бы – день рождения Пушкина, Всероссийский праздник поэзии – всё руководство области должно собраться под сенью пушкинских аллей. Когда-то именно так и было, но потом разладилось, а в последние два-три года даже заместители губернатора уже не приезжают. И обижаться на них, кажется, бесполезно...

Что-то мы прозевали, упустили. Место вещей онтологических, изначальных заняли малозначимые, сиюминутные страсти и страстишки. Деньги, власть – это возведено в достоинство некоего абсолюта, наполняющего смыслом и содержанием всё происходящее в современной жизни. А что же главное? Кто его способен понять и вместить? “Если же у народа спросить, – говорит Расул Гамзатов, – кто он такой, то народ, как документ, предьявляет своего учёного, писателя, художника, композитора, политического деятеля, полководца”. Заметьте: политические деятели и полководцы – в конце списка. Из скромности, будучи сам поэтом, Гамзатов спрятал писателя, художника, композитора – в середину. Но мне кажется очевидным: любая жизнь – будь то человека, общества, государства, – лишённая высших проявлений разумной деятельности, лишённая души – никчёмна, бессмысленна и бесполезна. Гамзатов и стал таковым главным “документом” Дагестана, но для России в целом – это, скорее, исключение. Наши “документы” – те жители мира, всечеловеки, обитатели олимпов, которые, кажется, навечно вписаны в золотые списки журнала “Форбс”. Только подлинные ли это документы? Не временные ли удостоверения на промокательной бумаге? А подлинные, похоже, мы потеряли...

Но достаточно о грустном. Тем более, когда звучат фанфары, то есть вручаются высокие литературные награды. Главную премию Международного фонда Расула Гамзатова получили народный поэт Дагестана Магомед Ахмедов за поэтическую трилогию “Тайный час”, “Седина”, “Молитва и песня” и писатель Шапи Казиев за книгу “Ахульго”.

Поощрительные премии вручены украинскому поэту и переводчику Алексею Бинкевичу, народному поэту Чечено-Ингушетии Саиду Чахкиеву и другим...

Поэт, народ... Мне до боли знакомы эти слова, близки, дороги. Но особенно приятно, радостно видеть их, эти слова, соединёнными в едином контексте: народный поэт! Как красиво это звучит! Как уважительно! Как значимо! Народный поэт Дагестана, народный поэт Татарстана, Чувашии, Якутии... Республики, уважающие своих поэтов, и сами становятся более уважаемыми в глазах соседей. А что же в России? Уважают ли у нас своих поэтов? Есть ли у нас такое звание? Нет. Народный артист, народный художник – пожалуйста! А вот народный поэт – здесь уж увольте, не положено. А почему? Нет достойных этого звания поэтов? Неправда!

Припоминаю, что говорил эти слова в августе 2008 года на открытии фестиваля поэзии “Словенское поле” – на холме славы России, что подле Старого Изборска. Завершая своё выступление, я сказал о том, что “в отрыве от духовных вертикалей, от животворящих энергий Творца, от веры поэзия, как правило, превращается в пустое рифмоплётство, в невнятное бормотание, в своё жалкое подобие”. В этом я убеждён. Но поэзия – разная. Фестиваль “Словенское поле” вполне это подтвердил, потому что участвовали в нём поэты разных направлений, мировоззрений, дарований. Несколько слов о его, фестиваля, организаторах, меценатах. Первый из них – Андрей Краденов, успешный московский предприниматель, виртуоз в той части бизнеса, которую для себя избрал. В шестидесятые годы принято было делить людей на физиков и лириков, так вот Андрей – гармоничное сочетание обоих этих начал. Потому что он ещё и честный поэт, глубоко и навсегда влюблённый в поэзию. Можно ли назвать удачным вложение денег в учреждение поэтического журнала¹, проведение поэтических фестивалей? С точки зрения бизнеса – конечно же, нет. Но с позиции государственной, общенародной пользы ответ однозначный – да и ещё раз да, ибо подобное вложение средств носит стратегический, глобальный характер. Чем больше людей начинают мыслить

¹ Андрей Краденов – учредитель и издатель журнала “Поэзия. XXI век”, первый номер которого вышел в июле 2008 года.

подобно Андрею, тем более у нас шансов вернуть статус Великой державы, каковая без гармонично развивающейся национальной культуры, нравственно ориентированной и самобытно наполненной, непредставима даже теоретически. Искренне желаю Андрею, чтобы Господь благословил оба поля, которые он возделывает: и материальное, и духовное. И главное – чтобы люди, которые его окружают, были искренними его единомышленниками!

... Но возвращаю свои мысли в Русский драматический театр Махачкалы. Весь президиум переместился в зал. Теперь мы – зрители концерта мастеров искусств, завораживающе красивого действа! Танец – неотъемлемая часть жизни всех народов Дагестана. Мне кажется, что у каждого народа танец – это своеобразный генетический код, в котором прописан замысел Творца об этом народе: каковым ему должно быть, и каковым он был; его отношение к войне и к миру, умение сражаться и трудиться. Как он любит, как воспитывает детей, как жертвует собой во имя чего-то высокого... И эти, и другие важнейшие смыслы сохраняют в себе народный танец и возобновляет в общественной памяти, если востребован, если является частью культурной жизни. В Дагестане (да и в других национальных республиках) с этим, как мне думается, полный порядок. А у нас, русских? Где наш народный танец? На каких задворках культуры? Днём с огнем его не найти на телевидении. Широко представлены танцы африканских народов, а наши-то где? Чей генетический материал мы усваиваем, сотрясаясь в ритмах современного танца? Африканского племени сан из Ботсваны, бушменов, колдунов вуду? Какого же нового человека выращивает в своих ретортах современная массовая культура? Не ужаснётся ли? Не закричим ли в ужасе, столкнувшись с ним в реалиях жизни? И не поздно ли тогда будет что-то менять?..

С такими думами и проводил этот день. Но и следующий обещал стать не менее насыщенным. Нам сообщили, что назавтра предстоят поездки на родину поэта в аул Цада, в знаменитый Гуниб, где стоит памятник Белым журавлям, и в древний Дербент, для чего гости праздника будут разделены на три группы. Мне выпала честь побывать в Гунибе...

ГУНИБ

День третий

Грандиозный Гуниб! И здесь, на среднерусских равнинах, он всё ещё перед моими глазами, хотя прошло уже немало времени. А тогда он просто ворвался в моё воображение, раздвинул его пределы и поменял масштабы... Нет, очевидно, что всё было более прозаично, как и следует тому быть в обыденной жизни. Гуниб открывал себя постепенно, соразмерно скорости движения автобуса, который, мимоходом сглотив нас, как оный кит Иону, тащил по мучительным серпантинам; натужно урча, карабкался к самым облакам. А те поднимались всё выше и тянули за собой горные вершины, и воображение моё, стараясь вместить открывающиеся картины, раздвигалось всё шире и шире.

Позже я прочитал, что Гунибское поселение существует уже около двух тысячелетий, и в истории его есть немало незабываемых страниц. Так, в XVIII веке жители этого и ряда других селений объединились в “Андалальский вольный союз”, построенный на принципах взаимопомощи и справедливости. Этот союз не признавал власти ни ханов, ни беков. Каждое селение избирало своих “выборщиков” и духовного руководителя и вручало полноту власти этим людям до следующих выборов. Сохранился подлинник “Свода решений Андалальского округа” на арабском языке. Вот, например, что можно узнать из этого документа: “Если кто пойдёт к старейшине с клеветническим доносом на кого-нибудь, то с него взыскивается сто баранов... Кто возьмёт взятку, с того взыскивается один бык”. Несколько утилитарная юриспруденция, не так ли? Но, наверное, действенная по тем временам. Известно, что в 1741 году гунибцы в составе этого союза принимали участие в разгроме войск Надир-шаха...

Вот и первая остановка. Перед нами белые плиты с высеченной на них молитвой горца: “Покаюсь, если чых-то слёз я стал виной. Аминь. А кто обиду мне нанёс — пусть каётся. Аминь”. Для меня, конечно же, привычны другие молитвы, но, по крайней мере, здесь всё коротко и ясно. Мои спутники Николай Рачков и Валерий Тургай рассматривают высокую башню, вырастающую из горного склона к небу. Она имеет прямоугольное сечение и узкие, похожие на бойницы, окна. Впрочем, это, наверное, и есть бойницы. А сама башня — символ героического прошлого. На вершине её выполненная в виде барельефа надпись — “Андалал”. Почти поверив в то, что всё это мемориальные, чудом сохранившиеся объекты, вдруг узнаю: историко-архитектурный комплекс “Андалал” с боевой башней, родником, тропой в скале построен ОАО “Дагэнерго” по проекту архитектора Магомед Керимова и открыт в мае 2005 года. Что ж, честь и хвала руководителю этого “Дагэнерго” Гамзату Гамзатову — выгладит здесь всё достойно и красиво. . .

Я смотрю на горы. Иные кажутся похожими на прикрепленные к небу зелёные плюшевые покрывала. И это воистину грандиозное зрелище. А вот эти напоминают девятый вал Айвазовского, окаменевший на очередном своём перекате и посеревший от обильно покрывшей его пыли времён. Кстати, наш знаменитый живописец посещал Гуниб в 1868 году. Поэтому, наверное, запечатлённые его гениальной кистью суровые горы Дагестана напоминают застывшие волны, а волны — ожившие скалы. А эти серые изломанные поверхности гор мне определённо хотят о чём-то напомнить? О чём же?

Но теряю эту нить мысли. Мы карабкаемся всё выше и выше. . . А вот и он сам. Гуниб. . . Наверное, и сто, и двести лет назад красота здешних мест так же поражала воображение гостей, как и ныне. Сейчас, как и тогда, путешественника завораживает первозданность творения, застывшая в изумительных ландшафтах. Кто, как не Всемогущий, мог сотворить подобное! . . . Считается, что местный курорт “Орлиное гнездо” по многим показателям превосходит лучшие курорты Швейцарии. Современное селение небольшое, но радующее глаз простотой, уютом и какой-то самобытной гармонией бытия. В эту гармонию укладываются и центральная площадь, и притихшие вокруг неё жилые дома, магазины, кафе, и, конечно же, люди, гунибцы. . . Кстати о людях: Гуниб в разные времена посещали самые выдающиеся исторические личности. Так, после окончания Кавказской войны здесь побывал российский император Александр II, в здешних местах занимались научными исследованиями известные учёные-натуралисты В. Докучаев и П. Раде, тут родилась известная писательница Ольга Форш. . . Более трёх тысяч гунибцев воевали на фронтах Великой Отечественной, четверо стали Героями Советского Союза. В память о погибших открыт мемориал “Белые журавли”. И мы поднимаемся туда, чтобы поклониться, помолчать у Вечного огня, отдавая дань памяти павшим героям — всем героям, от края до края России. . .

“В каждом горном ауле стоят пирамидные памятники, — рассказывает Расул Гамзатов, — а на них имена, имена, имена. Горец сходит с коня, подбегая к ним, пеший снимает папаху.

Журчат в горах родники, носящие имена погибших. Старики сидят около родников, потому что они понимают язык воды. В каждом доме на почётном месте висят портреты тех, кто навсегда останется молодым и красивым”¹.

Ещё раз убеждаюсь, что кавказское гостеприимство безгранично — сейчас его воплощением для нас является глава администрации Гунибского района Абдулхалим Мачаев. Он — само радушие, готов каждому из гостей уделять внимание, рассказывать о местных красотах и достопримечательностях. Он мягкий, обходительный, но острые, как клинки, горные вершины, отражающиеся в его глазах, напоминают о том, что перед тобой настоящий горец, с твёрдым, как и эти скалы, характером. Кто-то объясняет, что Абдулхалим Мачаев, в прошлом педагог, директор школы — коренной дагестанец, уроженец селения Чох, что он любит эти края. Но об этом говорит необязательно, это я сам прекрасно вижу. . .

Мы в музее. Экспозиция достаточно яркая и разнообразная. Все краски местного колорита налицо. Погружаюсь в жизнь горского аула. . . Медные кувшины и блюда, предметы обихода, одежда и, конечно же, кинжалы, ружья и даже джигит в черкеске и папахе. . .

¹ Расул Гамзатов. “Мой Дагестан”, с. 314.

Танцы, песни – все это ждет нас на площади, где воздух уже готов взорваться, закружиться протуберанцами, рассыпаться соловьиными трелями и заплакать... Каждое выступление гунибских мастеров песни и танца требует нашего ответного слова. И мы выкладываемся, благо всякий глоток воздуха перенасыщен вдохновением. Николай Рачков... “Вот уж никогда не думал, – говорит он, – что в одном из самых прекрасных, сказочно прекрасных, легендарных, исторических мест Отечества мне придется прочесть стихотворение, написанное мной давно, но которое, как мне кажется, сегодня стало ещё более злободневно:

*Шамиль, Кавказа гордый бог,
Вождь вдохновенный газавата,
Но сколько превосходных строк
Сложили про Хаджи-Мурата...”*

Нет, мне невозможно объяснить, как Рачков это делает, это надо слышать и видеть. С первых строк стихотворения вокруг всё затихло, и поэтому было хорошо слышно, как кто-то в толпе воскликнул: “Это я – Хаджи-Мурат”. После чего некий стройный высокий джигит быстрым шагом пересёк площадь и остановился напротив нашего поэта. Рачков с видом полной невозмутимости продолжал чеканить строки. А его слушатель взмахивал руками и словно подталкивал эти строки вверх, к небу. Очнулись люди в милицейской форме, побежали и взялись закручивать парню руки. Тот не давался и всё время делал руками такие движения, будто хотел поймать плывущие по воздуху строчки замечательной поэзии Рачкова. Не знаю, удалось ли ему это. Как бы там ни было, его вытеснили с авансцены куда-то за угол, где всё благополучно и затихло. Была бы моя воля, я бы оставил этого любителя поэзии в покое: пусть бы наслаждался, ведь ничего плохого он явно делать не собирался. Но воля была не моя... А декламация Николая Рачкова меж тем расцвела, набрала полную силу.

*Такая уж ему судьба,
Чтоб люди помнили поныне:
Коль с двух сторон идёт пальба,
Нельзя скакать посередине.*

Николай закончил. Все аплодировали, я не отставал и, конечно же, не знал, что сегодня ещё вспомню это последнее четверостишие, да и другие строки тоже...

То, что ожидало нас далее, наверняка являлось важнейшей частью нашего путешествия. Верхний Гуниб – именно там мы оказались спустя короткое время. Там, где завершилась многолетняя Кавказская война – пленением имама Шамиля. Кавказская война – бесконечный, как казалось иным её участникам, свиток, испещрённый письменами сражений, взрывов, пожаров, слёз, ненависти, мести... Нет, сей свиток всё-таки имел конец, имел точку в завершении текста и надпись на металлической плите: “На сем камне восседал генерал-фельдмаршал князь Барятинский, принимая пленного Шамиля в 1859 году 25 августа”. “На сем камне...” – ещё и не побывав там, я уже чувствовал скрепление силовых линий истории, напряжённое гудение времени. “На сем камне...”

Позже я прочитал легенду, связанную с этим камнем. Сидевший на нём Барятинский сказал Шамилю:

– Напрасны же были все твои старания, вся твоя борьба.

– Нет, не напрасны, – ответил имам. – Память о ней сохранится в народе. Многих кровников моя борьба делала братьями, многие враждовавшие между собой аулы она объединила, многие народы Дагестана, враждовавшие между собой и твердившие “мой народ”, “моя нация”, она слила в единый дагестанский народ. Чувство родины, чувство единого Дагестана я завоевал и оставляю своим потомкам. Разве этого мало?¹

Поднимаясь к этому памяtnому месту, я думал о том, что сегодня два имени особенно важны для горцев, исключительно важны, в них они вкладыв-

¹ Расул Гамзатов. “Мой Дагестан”, с. 290.

вают всю глубину чувств – почтения, любви, уважения. Два имени – Шамиль и Расул. Последний мне близок и понятен, уважаем мною и любим; именно он, Расул, привёл меня в Дагестан, а значит, и сюда – в Верхний Гуниб... Шамиль, “Кавказа гордый бог...” От этого имени на меня веет холодом, Шамиль с суровым прищуром смотрит на меня сквозь столетия, и рука его сжимает кинжал. Но у горца место ему – в сердечной глубине, это самая великая мечта, это крылья Дагестана. Воистину – в груди каждого дагестанца горит пламя, имя которому Шамиль. И великий Расул не был исключением.

“У каждого горца, – говорит он, – есть свой образ Шамиля. Я тоже вижу его по-своему.

Он ещё молод. На плоской скале Ахульго, припав на колени, он воздел в небо руки, только что омытые волной Аварской Койсу. Рукава черкески засучены. Губы шепчут какое-то слово – некоторые утверждают, что, когда во время молитвы он шептал “аллах”, слышалось людям – “свобода”, а когда он шептал “свобода”, слышалось людям – “аллах”.

Он уже стар. На берегу Каспия он навсегда прощается с Дагестаном. Он пленник белого царя. Он поднялся на камни и окинул взглядом кипящие воды Каспия. Губы его вместо “аллах” и “свобода” шепчут “прощай”. Говорят, что на щеках его видели в тот час капли влаги. Но ведь Шамиль никогда не плакал. Возможно, это были морские брызги”¹.

Я в “Беседке Шамиля” – в портале, построенном в 1893 году на месте пленения имама. Присаживаюсь на знаменитый камень. Вокруг берёзки, вокруг густые кустарники, зеленые травы... Похоже ли на Россию? Нет... Или все-таки похоже?... Похоже, конечно, похоже. Ведь это и есть Россия, неотъемлемая её часть!

Там, у тех скал, камни обгарили кровью набивов Шамиля, а у этих – столь же красной и горячей кровью русских солдат... Между ними теперь – один мир и одна вечность. И я на стороне мира, на стороне России, на стороне вечности! Не посередине, и не на другом краю – там для меня спастись невозможно! Я – на этой стороне!

Кто-то может сказать, что слова эти – пафосная риторика. Но этот “кто-то” наверняка никогда не был в Дагестане...

Абуталибу задали вопрос:

– Чтобы брат говорил с братом, нужен им один язык.

Абуталиб ответил:

– Такой язык у нас есть.

– Какой?

– Тот, на котором мы теперь разговариваем с вами. Русский язык. Его понимают и аварец, и даргинец, и лезгин, и кумык, и лакец, и тат, его понимают все. (Показывает на портреты Лермонтова, Пушкина, Ленина.) С ними мы хорошо понимаем друг друга.

Присутствующий при разговоре Расул дополнил слова Абуталиба:

– Я думаю, что нельзя сидеть одновременно на двух конях. Но двух коней в одну арбу запрячь можно. Пусть тянут. Два коня – два языка везут вперёд Дагестан. Один из них русский язык, а другой наш: для аварца аварский, для лакца – лакский. Мне дорог и мой родной язык. Мне дорог и второй родной язык, который через эти горы, по этим горным тропинкам вывел меня на простор земли, в большой и богатый мир. Родное я называю родным. По-другому я не могу².

“Солнце прячется за горой, и день стремительно переходит в ночь. Говорят, в сумерки скалистая гора, у которой расположено селение Верхний Гуниб, обретает очертания девичьего лица. Но поутру мираж исчезает, и можно рассмотреть остатки русской крепости, стены с бойницами, огибающие выступ плато, одинокий тополь и пирамиду памятника солдатам Апшеронского полка, которых называют последней жертвой Кавказской войны”³. Нет, эти слова – красивые, поэтически выстроенные – я прочитал позже, уже вернувшись домой. Но кажется, каким-то необъяснимым образом они присутствовали в моих мыслях и тогда, когда мы, спускаясь вниз, кружились по опасным,

¹ Расул Гамзатов. “Мой Дагестан”, с. 245.

² Расул Гамзатов. “Мой Дагестан”, с. 335.

³ Любовь Чернявская. “Высокие звёзды Гуниба”. “Петровские ведомости”, № 218, июнь 2004 года.

словно протянутым по лезвию ножа, серпантинам. Я думал как раз о солдатах Апшеронского полка, о солдатских шинелях...

Так вот о чём напоминали мне эти серые изломанные поверхности гор – серые солдатские шинели, брошенные, измятые, затоптанные в ярости атаки. Какая же неистовость, какой напор двигали этой атакой, что она достигла таких непреодолимых вершин. Легче, кажется, подпрыгнуть, ухватиться за облако и подняться в небо... Впрочем, небо приняло в свои объятия немало солдатских душ. А шинели, верно, остались на склонах, выкрасив их в благородные серые тона.

“У меня два светильника, – говорит Расул. – Один освещал мне путь из окна отцовской сакли. Он был зажжён моей мамой, чтобы я не заблудился. Если этот светильник погаснет, действительно, погаснет и моя жизнь. Она погрузится во тьму, если даже я физически не умру. Второй светильник зажжён моей великой страной, моей большой Родиной, Россией, чтобы я не заплутался по дороге в большой мир. Без него моя жизнь будет темна и ничтожна”¹.

Лучше самого Расула Гамзатова о его Родине никому не сказать: он вообще, о чём бы ни вёл речь, всё равно говорит о Дагестане. Я пытаюсь свежим взглядом, то есть взглядом человека, давно не бывавшего на Кавказе, увидеть, разглядеть всё то лучшее, красивое, доброе, мудрое, чему хотел бы научиться сам и что считаю полезным для других. И без Расула мне не обойтись. Поэтому я беру у него уроки...

“Две матери и у моего народа, у моей маленькой страны, у каждой из моих книг.

Первая мать – родной Дагестан. Здесь я родился, здесь я впервые услышал родную речь, научился ей, и она вошла в мою плоть и кровь. Здесь я впервые услышал родные песни и первую песню спел сам. Здесь я впервые ощутил вкус воды и хлеба. Сколько бы раз ни поранился я в детстве, карабкаясь по острым камням, воды и травы родной земли залечили все мои раны. Горцы говорят: нет такой болезни, против которой не нашлось бы в наших горах целебной травы.

Моя вторая мать – великая Россия, моя вторая мать – Москва. Воспитала, открыла, вывела на широкий путь, показала неоглядные горизонты, показала весь мир...

Две матери – как два крыла, как две руки, два глаза, две песни... Как орёл во время полёта не знает, которое крыло из двух ему нужнее и дороже, так не знаю и я, которая мать дороже мне”².

Это первый урок Расула. И я спрашиваю себя: умеем ли мы любить Родину? Нет, вопрос вовсе не риторический. Слава Богу, уходят в прошлое те времена, когда правилом “хорошего тона” было говорить о России – “эта страна”. Теперь в моде патриотизм, и те, кто недавно публично морщились при слове “Россия”, готовы днем и ночью держать в руках российский триколор. Только может ли из этой мимикрии родиться любовь? Готовность к подвигу, самопожертвованию? Способен ли любить Родину коррупционер, взяточник, человек, у которого в глазах вместо зрачков дважды перечёркнутая буква “S”? Дай ему и флаг в руки – не поможет. Кстати о флаге. Не мешало бы вспомнить, какие идеи кроются в сочетании его цветов. Так вот, нижний красный цвет – это физический, материальный мир; голубой в середине – мир небесный, а верхний белый – Божественный мир. Вот она – иерархия смыслов: от земного – к небесному, божественному. Вне этой вертикали человек неизбежно опускается на четвереньки, и его хождение на двух ногах есть лишь иллюзия. Что же это такое – стоящий на четвереньках человек? Жалкое зрелище...

Тяжело говорить о болезнях, утомительно. Да и обидно, потому что лекарства – то всегда под рукой. Бери, пользуйся, исцеляйся! Но это – тема следующего урока.

*И, смутно слыша звук родимой речи,
Я оживал, и наступил тот миг,
Когда я понял, что меня излечит
Не врач, не знахарь, а родной язык”³.*

¹ Расул Гамзатов. “Мой Дагестан”, 2008, с. 334.

² Расул Гамзатов. “Мой Дагестан”, с. 42.

³ Расул Гамзатов. “Родной язык”.

Родной язык, слово... Сколько сказано, сколько написано об этом? Вот, например: "Слово поставило человека на лестнице творений выше всего земного и выше луны и солнца. Слово соединило людей в общества, создало города и царства. В слове живёт и движется знание, мудрость, закон"¹. Но ведь и преступники завлекают в свои сети потенциальных жертв именно словом, им же орудут клеветники, мошенники, самозванцы. Какие же существуют критерии, где те границы, в пределах которых слово является исцеляющим, наполняющим мир созидательными энергиями? Ответ прост: "Словом образуется, поощряется и распространяется **добродетель**. Слово в молитве восходит к Богу, беседует с Ним и приемлет от Него просимое"². Итак – опять нравственная вертикаль, опять иерархия смыслов. Никуда от этого не деться, ничего вне этого не достичь! Поэтому не лучше ли, не тратя попусту времени на поиски новых путей, вернуться к старым традициям? Умел ли русский человек быть нравственным, внутренне красивым? Был ли верным сыном Отечества? Читаем историю, читаем литературу! И убеждаемся: ответ однозначный и положительный. Где же для русского человека истоки этого "однозначного положительного"? Для меня это очевидно: в христианском мировоззрении, в православии. По-моему, это вообще не требует никаких доказательств, ведь мы живём в стране с тысячелетней христианской, православной историей, и все свершения, достижения, победы рождались в рамках этой истории, в рамках христианской нравственности, морали, этики, эстетики и т. д. Нет, не из гоголевской шинели, – мы вышли из православного храма. Да нам более неоткуда было выйти! Я, например, этим горжусь. Любуюсь человеком, просветленным истинами веры, живущим с ними в соответствии. И уверен – этим истинам следует учиться с самого детства. Например, в форме "Основ православной культуры". Но сколько тут проблем! Какой шум-гам поднят вокруг этой темы. Нельзя, кричат, этим мы обидим, оскорбим... Кого? Мусульман Кавказа? Да не увидел я в Дагестане людей, которых бы оскорбил вид верующего православного человека. Есть в Махачкале православные храмы, и никто не чинит препятствий туда входящим. И в центре России есть мечети, и вход туда для мусульман всегда открыт. Искренне верующий человек – и христианин, и мусульманин – всегда красив! Так почему в московских, рязанских, псковских школах русские дети не могут знакомиться с основами своей родной православной культуры? Почему не должны они учиться нравственности, чистоте, искренности, совестливости? Может быть, кому-то требуются рекруты в полки коррупционеров, взяточников, преступников всех мастей? Что ж, вы их получите, если всё-таки лишите наших детей живой духовной основы для жизни, если оторвёте от нравственной вертикали и ткнёте лицом вниз, в землю. Тогда и родной язык им будет не нужен. Зачем он перемещающемуся на четвереньках существу? Ему к лицу и самый уродливый сленг. А как проникновенно звучат слова о родном языке:

"Родной мой язык! Не знаю, доволен ли ты мной, но я тобой живу и тобой горжусь. Как светлая вода родника стремится из темных глубин на солнце, где зелень, так слова родного языка стремятся из сердца к моей гортани. Губы шепчут. Вслушиваюсь в свой собственный шёпот, вслушиваюсь в тебя, мой язык, и кажется мне, что рокочет в теснине сильная горная река, пробивает себе дорогу. Люблю я рокот воды. Люблю я и звон булата, когда два кинжала, вынутые из ножен, бьются друг о друга. И это всё есть в моём языке..."³

Но прощай, Дагестан! Пелена облаков по ту сторону иллюминатора закрывает от меня горы и море. Нет, не прощай – до свидания! Урок ещё не окончен, он продолжается на высоте десяти тысячи метров над уровнем моря. Если б не было облаков, я увидел бы свою Родину во всём её масштабе. Широка страна моя родная! Сколько в этом сокрыто важных для человека смыслов! Слушаю, что говорит учитель: "Моя тема – Родина. Мне не надо её искать и выбирать. Не мы выбираем себе Родину, но Родина с самого начала выбрала нас"⁴. Не знаю, как другие, а я счастлив, что Родина выбрала меня, причла к числу своих детей.

¹ Филарет, митрополит Московский. Уроки и примеры христианской веры. Опыт катехизической хрестоматии. СПб., 1990, с. 167.

² Там же.

³ Расул Гамзатов. "Мой Дагестан", с. 324.

⁴ Расул Гамзатов. "Мой Дагестан", с. 66.

*Россия! Встань! Ужель смолчишь и ныне?
Не оборвёшь стервятников полёт?*¹

Россия встаёт. Встаёт во весь рост – в Южной Осетии, Абхазии; на каждой трибуне, за каждым столом переговоров, где воздух вскипает от клеветнических наветов лжепартнёров, идёт рябью от их злых шепотков. Россия встаёт. Но чтобы действительно возродиться в подлинном Величии, ей потребуются Великий народ, чтящий свою историю, веру, святыни, говорящий на родном языке. Наверное, это самое трудное для нас деяние – вновь почувствовать себя Великим народом. И стать им, наконец! Сколько лжи придётся преодолеть, сколько полуправды рассеять по ветру. В конце концов, что такое полуправда? Та же ложь!

“Ложь есть ложь, а правда есть правда. Они не могут быть ни большими, ни маленькими. Есть жизнь и есть смерть. Когда наступает смерть – нет жизни, и, наоборот, пока теплится жизнь, смерть ещё не пришла. Они не могут сосуществовать. Одна исключает другую. Так и ложь с правдой.

Ложь – это позор, грязь, помойка. Правда – это красота, белизна, чистое небо. Ложь – трусость, правда – мужество. Есть либо то, либо это, а середины здесь быть не может”².

Полуправда – та же ложь! Это последний на сегодня урок великого Расула. “Не надо никакой середины! – твержу себе. – Будь на своём краю!”...

Наш самолёт приземляется в Москве. Над книгой “Мой Дагестан” смыкается сферический купол сумки. Книга эта – словно живой собеседник. Думаю, со временем она станет для меня ещё ближе и родней, как и весь Дагестан Расула Гамзатова.

*Псков,
сентябрь–октябрь, 2008 год*

---

¹ Иеромонах Роман (Матюшин). “А мы живём в безумную эпоху...”.

² Расул Гамзатов. “Мой Дагестан”, с. 203.